

УДК 94(5)+94(100)05+94(510)03+94(517)

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.165-176

ЕЛЮЙ АПОКИ – ПЕРВЫЙ КОЧЕВОЙ ИМПЕРАТОР: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Г.Г. Пиков

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, 630090, Россия

Аннотация

Вождь племени киданей и представитель правящего рода Елюй Апоки стал основателем могущественной средневековой восточноазиатской кочевой империи Ляо (907–1125). Киданьское государство стало первой полноценной кочевой империей, а Апоки стал первым кочевым императором. Необходимость в таком лидере была продиктована теми процессами, что шли в киданьском обществе: кризис общественных отношений, усложнение межплеменных отношений, необходимость экономического синтеза, втягивание в макроэкономические отношения, активизация процесса этнического синтеза и появление предпосылок для складывания народности, выделение особой цивилизационной зоны (будущая «Монголия»).

Фигура Апоки выделяется в истории киданьской элиты именно тем, что он «навел порядок», «открыл», «указал путь», «начал», «дал истину», то есть не просто вывел из тупика, а показал долгий и многообещающий путь в будущее. Империя сначала была экстраординарным проектом, но потом стала жить своей жизнью.

Ключевые слова: кидани, империя Ляо, Елюй Апоки, кочевники, император

Основателем могущественной средневековой восточноазиатской кочевой империи Ляо (907–1125) (см. [1; 2]) был вождь племени киданей и представитель правящего рода Елюй Апоки. Он стал и основателем династии. Киданьское государство стало первой полноценной кочевой империей, а Апоки стал первым кочевым императором. Он же во многом стал образцом для подражания последующим восточноазиатским правителям. Уже одно это определяет необходимость анализа его личности и деятельности.

Прежде всего, необходимо обратиться к выяснению этимологии его имени. Начиная с периода Пяти династий (907–959) его имя обычно транскрибируется в китайских историях как Абаоцзи. Сунский историк Оуян Сю (1007–1072) упоминает указ лянского императора к киданям, в котором Апоки назван Абуцзи. (Ист.К., с. 345). Китаец Чжао Чжичжун, долгое время состоявший на службе у киданей, именуется его Абаоцзинь (Ист.К., с. 345). Мусульманский автор XIV в. Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей»¹ употребляет имя Амаки.

Значение этого имени данных авторов не интересует, оно для них лишь «варварское», «инородческое», по словам автора «Цидань го чжи» («Истории

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 77.

государства киданей») Е Лунли (Ист.К., с. 41), а кидани – бандиты, создавшие квазигосударство. Китайские авторы, даже составители династийной истории «Ляо ши» («История династии Ляо»), интересовались лишь проблемами опасности киданей для южной империи и степенью их китаизации. «Ляо ши» прослеживает усвоение ими китайского опыта и подчеркивает, что, только благодаря этому, Ляо встало в шеренгу классических империй. Мусульмане же писали историю «завоевателя мира» Чингисхана и киданей затрагивали лишь попутно.

Исключением в определенном смысле является позиция маньчжурских историков, предпринявших в XVII в. по повелению цинского императора грандиозную попытку перевести на маньчжурский язык «истории» Ляо (киданьская империя), Цзинь (империя чжурчжэней) и Юань (монгольская империя).

Маньчжуры сделали акцент не на воинственности и «бандитизме» киданей, а на их «достижениях». Разумеется, их интересовало и пригодное и полезное из киданьского опыта, однако не только военного, но и политико-административного. По маньчжурской версии киданьской династийной истории под названием «Дайляо гуруни судури» («История государства киданей») кидани сыграли выдающуюся роль в истории, а Ляо вполне оригинальное государство [1]. Китайская культура для них в данном контексте не была важнейшей. По сути, помимо всего прочего, маньчжуры пытались выстроить своего рода «историческое» обоснование своей власти, видя в киданях, чжурчжэнях и монголах своих великих предшественников. Они в большей степени работали с кочевой ментальной, а не китайской культурой. Их переводчики из китайского оригинала летописи максимально выбросили все, что относится к Китаю, и сделали акцент на главных сферах деятельности династии – военном деле и управлении, скрупулезно отмечая и оригинально-ментальное.

Далеко не во всех аспектах кидани были «нижней ступенью» «лестницы» Ляо – Цзинь – Юань – Цин, их культура и история были предельно оригинальными. Однако преемственность все же была, да и начинать с чжурчжэней уже было нельзя, ведь их государство во многом стало клоном киданьской имперской конструкции. Они вели свою борьбу за киданьскую модель, а не *против* нее. Просто они более близкий маньчжурам этнос. Одновременно маньчжуры не хотели терять поддержку монголов, те не играли прежней роли, но их проживало много в пределах нового государства. И все же маньчжуры оставили Юань не только по этой причине, но в большей степени потому, что копировали не киданьскую, а монгольскую модель. Они сами находились на ранней стадии формирования своей империи, где еще преобладала военная демократия. Существовала и задача уменьшить или хотя бы ослабить цивилизационное воздействие Китая, создать своеобразную равновесную модель: «дух» ментальный, а этатическая модель южная. Китай занимал большую часть государства, и именно он был центром экономики.

Историю своих предшественников они максимально героизировали, сделав акцент на «героях» и «выдающихся деятелях». Вполне возможно, что они больше знали значения имен и названий родов, имея в своем распоряжении не только «Ляо ши», но и другие документы. Именно ученый комитет, созданный при маньчжурском императоре Цянь-луне (1736–1796), исправил Абаоцзи на Аньбацзянь (Амбагянь), исходя из маньчжурских слов *амба* (великий) и *гянь*

(надзирать). В итоге получился «великий или главный судья». Вслед за маньчжурскими историками и многие европейские авторы считали, что имеют дело не с именем, а званием, должностью (Ист.К., с. 345).

В данном случае вполне можно допустить, что мы имеем дело не со званием, но и не с просто именем. Имена многих средневековых правителей имели особое значение. Например, имя основателя франкского меровингского государства Хлодвиг (франкск. *Hlodowig*) состоит из двух частей – корней *hlod* (то есть прославленный, выдающийся, именитый) и *wig* (что переводится как бой). В целом оно означает «Прославившийся в боях». Хлодвиг встал во главе франкского союза племен, по сути, в возрасте (около 15 лет), когда юноши проходят инициацию и признаются мужчинами. Вполне возможно, что в качестве «мужского» он и был награжден этим именем. Табуированным именем киданьского правителя было И, и к власти он пришел тоже довольно молодым. Либо его больной отец, уступивший положенную самому должность предводителя киданьского союза сыну, либо даже он сам далеко не случайно выбрали именно это имя. Его можно трактовать и как «главный правитель», и, скорее, как «достойный быть правителем» союза племен. Оно становится своего рода символом и программой правления, «тронным именем», взятым *в начале* династии, а не *в конце* ее (его дают потомки).

Елюй Апоки родился в тринадцатом году девиза царствования китайского императора Сянь-гун (872 г.) в Южной Монголии. В этом году киданями правил Сизрчжи из клана Дахэ, а затем его сменил Циньдань.

При рождении мальчика назвали Чоличжи, запретное прижизненное имя И. В совершеннолетнем возрасте получил имя Апоки.

В китайских текстах сохранились легенды о его рождении. Мать мечтала о том, чтобы ее сын был рожден Небом. Однажды ей приснилось, что само солнце проникло в ее лоно, и она забеременела. Так Апоки стал сыном Солнца, а кидани через него детьми Солнца. Они и известны стали как «солнечные» кидани. Когда Апоки родился, вся юрта осветилась чудесным светом и наполнилась необыкновенным ароматом. Новорожденный был как трехлетний ребенок и сразу же смог ползать, а в три месяца пошел. По свидетельству «Ляо ши», «он знал о тех делах и событиях, которые еще и не произошли. Сам говорил, что слева и справа от него как будто есть духи, которые заботятся о нем и охраняют его. Хотя у него еще только менялись зубы, а речи его уже непременно касались текущих дел. Как раз в это время его дядя по отцу управлял государством и во всех сомнительных делах он постоянно просил у него совета. Когда (он) вырос, то стал человеком ростом в девять чи, имел лицо, широкое сверху и заостренное книзу, лучистые глаза. Натягивал лук, для натяжения которого требовалось усилие в 300 цзиней» (Ист.К., с. 345).

Как гласит «Цидань го чжи», «с самого рождения император отличался великодушием, обладал большим умом и не был похож на остальных. Достигнув зрелого возраста, отличался крепким телосложением, смелостью, воинственностью и сообразительностью. Отлично ездил верхом и стрелял из лука, пробивая стрелой железо толщиной в один цунь. Однажды ночью над местом, где спал император, появился свет, что испугало и удивило всех окружающих. Все кочевья боялись его смелости, и не было ни одного, которое бы не повиновалось ему» (Ист.К., с. 41).

Детство его было непростым. Дед погиб во время конфликта между племенами, отец и дяди бежали и тем избежали гибели. Мальчик был спрятан бабушкой. Отца Апоки звали Ганьли, он принадлежал к роду Елюй (Ели, Шили) – одному из трех правивших кланов киданей; мать была уйгуркой из рода Сяо. По «Ляо ши», Елюй было объединенным названием кланов правителей: «Три Елюй именовались: один – Дахэ, второй – Яолян, третий – Шили. Это как раз императорский род» (Ист. К., с. 346). Отец заставлял пленных китайцев учить сына китайскому языку, кроме того, Апоки умел говорить на уйгурском и бохайском языках. С юных лет Апоки верил в свое высокое происхождение и в историческое предназначение киданей, которые должны подчинить не только ближайшие племена, но и далекие страны.

Время Апоки – знаковое для киданей, своего рода переломный момент в их истории, переход от типично кочевой к более сложной и комплексной экономике.

В годы юности Апоки во главе киданей стоял его дядя Сулан. При нем осуществлялась достаточно активная политика подчинения соседних племен. Именно Апоки был назначен управляющим этими племенами с титулом *тама чжун*. Он развил в этой сфере бурную деятельность. В 901 г. он присоединил часть территории племен шивэй на севере и вскоре путем мирных переговоров подчинил племена си, особо подчеркивая общность языка, происхождения, обычаев.

В молодости Апоки стал известен благодаря своим походам на соседние племена си, шивэй и угу, а в 903–904 гг. он совершает ряд удачных набегов на северо-восточную границу Китая, в 905 г., в самый разгар междоусобной борьбы в Китае, с 400 тыс. воинов покоряет девять больших китайских городов.

Благодаря своим крупным военным успехам в 907 г. избирается главным вождем восьми киданьских кочевий. К этому времени власть вождя (*илициня*) племени, к которому относился Апоки, довольно прочно закрепляется за его родом Елюй (Ила) и начинает передаваться по наследству.

Точно неизвестно, как именно Апоки стал главой всех киданей. Согласно одной версии, кидани делились на восемь племен, каждое из которых возглавлялось своим правителем. Один из них выбирался общим правителем на три года. Апоки оставался у власти девять лет, что возмутило других правителей. Он вынужден был уступить, но попросил позволения стать самостоятельным племенем и управлять городом Ханьчен, где было много выходцев из Северного Китая. Вскоре заманил остальных правителей к себе в гости и, когда все перепились, перебил их (Ист.К., с. 42).

12 февраля 907 г., подчиняясь настоятельным просьбам своих сподвижников, он взшел на императорский престол с титулом *тянь хуанди* (небесного императора, императора, царствующего по воле Неба). Этим самым Апоки дал понять киданьским племенам и всем соседним народам, в том числе и китайцам, что считает себя в некотором смысле преемником китайской династии Тан (618–907 гг.). Основанное им государство Апоки назвал «Государство Цидань» (Государство киданей), а эру своего правления – *Шэньцэ* (букв. Возведение на престол по воле духов), подчеркивая тем самым, что власть им была не захвачена, а предоставлена самим Небом. Свой девиз правления тогда имели только правители Китая, Японии и Бохая.

Апоки вскоре провел религиозную реформу, суть которой заключалась в том, что, наряду с распространенным среди киданей шаманизмом, он объявил государственной идеологией конфуцианство. Сделано это было для того, чтобы подвести обоснование под провозглашение старшего сына Бэя престолонаследником. Конфуцианское учение проповедует незыблемость соблюдения принципа первородства при наследовании императорской власти. Таким образом, успешное проведение этой реформы привело бы к отказу от древних обычаев киданей, предусматривавших одинаковую возможность передачи политической власти как сыновьям, так и братьям правителя, а также к утверждению принципа обязательного наследования престола старшим сыном, что способствовало бы завершению процесса складывания монархической формы правления.

9 апреля 916 г. на большой церемонии после принесения жертв Небу Апоки получил титул «Великий священномудрый и Великий просвещенный небесный император».

Одним из средств укрепления личной власти и строительства государства для Абаоци стало активное использование опыта и знаний китайцев. Китайцы были либо пленными, либо добровольными перебежчиками. Естественно, что их роль по-разному оценивается исследователями. В китайской или японской литературе она часто преувеличивается и утверждается, что возвышение Апоки и укрепление его власти в борьбе с родственниками обеспечили именно китайцы.

В 907 г. Апоки с помощью китайцев организовал добычу железной руды и выплавку железа. В 908 г. кидани удлиннили Великую китайскую стену в Чжэньдунхайкоу у морского побережья, чтобы обезопасить свой восточный фланг. У гор Тяньшань Апоки приказал построить город Янчэн (Бараний город) для торговли с Китаем. Пятьдесят пленных буддийских монахов поселили в монастыре Тяньсюнсы в Силоу. Они должны были уведомлять Небо о деяниях Апоки. В 915 г. в столице соорудили храм Конфуция, а в 916 г. императорский указ предписывал строить по всей стране конфуцианские, буддийские и даосские храмы. В столице выстроили императорский запретный город.

Переход китайцев на службу к киданям вряд ли можно считать только за слугой киданьских правителей или искать причину в невыносимых условиях существования для чиновников в Китае. Эта версия принадлежит китайскому послу к киданям Ху Цяо (Ист.К., с. 324). В начале X в. переход от одного правителя к другому считался нормальным явлением, а служба в Ляо ничем принципиально не отличалась в глазах ханьского населения от службы в самом Китае.

В 924–925 гг. Апоки совершил западный поход против туюйхуней, дансянов и цзубу. В девятом месяце 924 г. прошел через долину Орхона, приказал стереть надпись на стеле в честь уйгурского Бильге-кагана, взамен выбили надпись по-киданьски, по-тюркски и по-китайски, чтобы увековечить его деяния [3, р. 576; 4]. Из реки взяли воду, со священной горы забрали камни и все это доставили в исконные киданьские земли. Вылили воду в Шара-Мурэн, а камни отнесли на родовую гору как символ подношения дани реками и горами.

Мы мало знаем об этом походе, но в результате его кидани окончательно лишили киргизов иллюзий о господстве в Центральной Азии. С этого времени монголы начинают активнее продвигаться на запад и, как писал Е.И. Кычанов, Центральная Азия из вотчины древних тюрков стала территорией монголов [5, с. 133].

Апоки четко видел разницу в образе жизни кочевых и оседлых народов, в частности китайцев, и по примеру сяньбийцев IV в. и бохайцев ввел раздельное управление Севером и Югом империи. По примеру корейского государства Когурё и Бохая он учредил систему пяти столиц. Верхняя столица была императорской и в ней находились все чиновники двора и столицы. Верхняя и Средняя столицы располагались на территории проживания киданьских племен. Западная столица ведала обороной границ, Южная – финансами и сбором поземельного налога, Восточная управляла бывшим бохайским королевством. По приказу Апоки в 920 г. было создано большое киданьское письмо (из 1460 знаков), и в конце года императорским указом было приказано ввести его в употребление. В 925 г. Деле, младшему брату Апоки, была поручена встреча уйгурских послов. Он в короткий срок выучил уйгурский язык, а потом создал малое киданьское письмо (из 350 знаков) [6].

С 907 г. кидани воевали с Бохаем. Борьба продлилась около 20 лет. В 926 г. кидани собрали огромную армию не только из своих воинов, но и из покоренных народов и союзников для нападения на государство Бохай. Бохайское государство уже несколько сотен лет контролировало центральную часть Маньчжурии. Сформировалась бохайская народность, развивалась высокая бохайская культура. Бохай имел тесные связи с Китаем, Кореей, Японией [7]. Для планов Апоки создать государство от океана до Алтайских гор, как у хунну когда-то, это королевство было очень большим препятствием.

24 февраля 926 г. началась осада столицы Бохая, а 26-го правитель Иньчжуань заявил о капитуляции. Завоевание Бохая дало киданям выход к Тихому океану. Старший сын Апоки и наследник престола Бэй получил китайский титул *жэньхуанван* (царственный ван народа) и был назначен правителем покоренного государства. В 947 г. правителем государства Дундань был назначен младший брат Апоки, Аньдуань, умерший в 952 г. После его смерти государство Дундань уже не упоминается в истории.

Апоки скончался 16 августа 926 г. в возрасте 54 лет. На следующий день его жена, императрица Шулюй, была провозглашена регентшей с правом решать государственные гражданские и военные дела. Ему пожаловали посмертно титул Небесного императора (*Хуан ди*) и храмовое имя *Тай-цзу* (букв. Великий предок). Это храмовый титул, который давали после смерти китайским императорам, положившим начало новой династии. В 1008 г. ему присвоили новый посмертный титул Великого победоносного, великого светлого императора (*Да шэн да мин хуанди*). В 1052 г. этот титул расширили – «Великий победоносный, великий светлый, священномудрый величественный небесный император» (*Да шэн да мин шэнь ле тянь хуанди*). Место для погребения выбрали у священной горы Муешань, которая стала усыпальницей членов императорского дома, и там были установлены изображения предков, сооружены храмы.

Средневековые китайцы не могли отрицать незаурядность фигуры первого кочевого императора, хотя причины его воцарения сводили к узурпации трона варварами. Е Лунли писал: «Неужели Небу не надоели беспорядки, иначе как незаконно присвоивший себе имя и титул смог подчинить различные народы?! Если это не так, почему он действовал тогда так энергично! Ведь то, что пять

племен варваров, подобно тучам собираясь вместе, беспокоили Китай... хотя и объясняется действиями людей, но зависело также и от судьбы» (Ист.К., с. 54).

История киданьской государственности на самом деле ясно свидетельствует, что появление фигуры Елюй Апоки было вызвано рядом факторов. Необходимость в таком лидере была продиктована теми процессами, что шли в киданьском обществе: кризис общественных отношений, и в частности пробуксовка двухуровневой модели (родовая знать, племенная аристократия), усложнение межплеменных отношений, необходимость экономического синтеза, ибо территория не могла обеспечить себя внутренними ресурсами, втягивание в макроэкономические отношения, активизация процесса этнического синтеза и появление предпосылок для складывания народности, выделение цивилизационной зоны (будущая «Монголия»). Если тюрки многие свои проблемы решали с помощью очередного «Великого переселения народов» на Запад, то «монголам» идти было некуда. Собственно, кидани должны были фактически начать оформление своего «мира». И для этого был необходим сильный и незаурядный лидер. Фигура Апоки выделяется в истории киданьской элиты именно тем, что он «навел порядок», «открыл», «указал путь», «начал», «дал истину», то есть не просто вывел из тупика, а показал долгий и многообещающий путь в будущее. Империя при своем возникновении была экстраординарным проектом, но потом стала жить своей жизнью. На киданьской и китайской территориях беспорядки происходили одновременно, но кочевники навели порядок на полсотни лет раньше. Апоки оказался «поставлен Небом» раньше, он и взял на себя потом задачу помогать Югу. Если Китай в случае социально-политического кризиса ставил задачу вернуть прежнюю оптимальную династийную модель, то для киданей такой возврат был невозможен, ибо в их прошлом такой модели не было.

В то же время Елюй Апоки можно назвать *self-made man*. У него были неплохие стартовые возможности. Он был представителем одного из ведущих родов и, что называется, по праву рождения стал во главе не только своего племени, но и всего союза. К этому времени у киданей сложилась аристократическая система правления, когда вожди по очереди возглавляли союз, но блокировали любые попытки «узурпировать» власть. И здесь сказались личность Апоки, его честолюбие, властолюбие, энергичность, экстравертность, прагматизм, цинизм. Он понимал, что в то время все варианты «возвышения» были уже известны и против них выступали как кочевые аристократы, так и китайцы, которых устраивала аристократическая система в Степи. Ее можно было контролировать, спекулировать на демократических ценностях, хотя на самом деле демократия блокировала честолюбие и хороша она лишь в мирное время. Эта система была уязвима для дипломатии *divide et impera* и громоздка и неуклюжа, если предстояла какая-то кампания против Китая.

В целом можно говорить, что в Степи сложилась ситуация застоя, а внутренние проблемы (перенаселение, социальная напряженность, блокирование в узких границах, перепроизводство знати и аристократии) накапливались и требовали немедленного решения.

Нужен был в некотором смысле парадоксальный ход, и Апоки нашел его. Было ли это дальновидное и глубоко продуманное решение или результат его операции по возвращению к власти, но именно кидани в лице основных родов

стали трансформироваться в элиту, которая надстраивалась над племенной аристократией. Именно аристократия была и останется впоследствии единственным противником. Однако Апоки оставил ей всё: власть, земли, привилегии, а сам «отселился», то есть использовал нечто вроде «опричнины» Ивана Грозного. Постепенно он, а вслед за ним и другие правители империи оставили себе лишь высшие функции управления и защиты государства. Модель империи, как видно на примерах всех существовавших в истории человечества государств такого типа, предназначена для решения исключительно внутренних проблем региона, пусть даже и обширного, и для нее характерен принципиальный отказ от любых форм внешней экспансии – военных, экономических, политических, идейных. Эту политику можно даже попытаться назвать политикой своеобразной самоизоляции.

Китайцы столкнулись с совершенно новой для себя ситуацией и на первых порах повели себя стандартно. Они не могли принять киданьскую элиту в целом и конкретно Апоки как равноправных акторов политики в Восточной Азии. Апоки, с их точки зрения, «узурпировал» власть дважды. Первый раз, когда он не захотел смениться с должности вождя союза племен в соответствии с традицией. Китайцы считали, что приход к власти вопреки правилам есть нарушение порядка, установленного Небом. В самом Китае мятежников всегда осуждали и, даже если они захватывали власть, вели с ними борьбу до конца. Китайцы либо не учитывали экстраординарность ситуации у киданей (аристократическая модель не справлялась), либо не хотели менять ситуацию (слабые кидани выгоднее).

Второй раз Апоки «узурпировал» власть, когда стал создавать свою элиту путем своеобразной «опричнины». Опричнину Ивана Грозного до сих пор оценивают неоднозначно, чаще отрицательно, но, думается, в тех условиях это был неизбежный и вполне грамотный ход. Царь был слаб, оппозиция вертикали сильна и царя видели лишь как своеобразного менеджера. Здесь кочевая аристократия, хотя и не принимала идею верховной и, по сути, неограниченной власти, понимала, что сложная социополитическая ситуация носит универсальный характер в рамках всей Восточной Монголии и Маньчжурии. Они готовы были поддержать Апоки, позволить ему укрепить властную вертикаль. Если бы он пошел путем Чингисхана и вышел на масштабную внешнюю экспансию, его поддерживали бы и далее. Однако Апоки ограничился наведением порядка в регионе и не увидел вины Китая во внутренних неурядицах кочевого мира. Позднее Чингисхан даже упрекал киданей в том, что они проглатывали обиды, и говорил, что мстит и за них, и за всех монголов в целом, чем, собственно, и привлек на свою сторону основную массу племен [8, с. 178].

В результате действий Апоки нарушалась дихотомия «Китай – варвары», ибо кидани стали выходить за пределы «должного» поведения и стремились встать на тот же уровень, что и китайцы. И хотя они не смогли бы стать равными Китаю, в лучшем случае оставались бы «младшими родственниками», но нарушали идею «природного» неравенства.

Апоки переосмысливает модель вождя: не первый среди равных, а поставленный Небом. Он использует идею вождя, но увеличивает его права и полномочия, берет идею императора, которая родилась на Юге, но обосновывает ее

с помощью не конфуцианства, а кочевой ментальной культуры. Фактически он не просто синтезирует эти две фигуры, а создает третью – кочевого императора. Он не навязывает всем свою волю, а предлагает решения и варианты. Это импонирует кочевникам, ведь ими управляет свой кочевой правитель. Уже по одной этой причине Апоки стал образцом и символом для последующих правителей и для других кочевников в Степи. Апоки стал претендовать на статус «совершенномудрого» государя, но отличался от него принципиально. Такой государь приходил к власти, основываясь на традициях и «законах», а Апоки стал создавать всё новое. Конечно, на региональном уровне использовалось старое, но на уровне государства уже новое. Приверженцы Апоки, будущая элита государства, стали чем-то вроде партии власти и, соответственно, им в итоге не прощали, что они становились выше общества, что искусственное становилось выше естественного.

Елюй Апоки привлек внимание людей еще в начале своей жизни. Он был известен сначала среди киданьских родов своим нестандартным поведением и быстро растущим влиянием. Чтобы остановить его, буквально вся родовая знать объединилась и обвинила его не в усилении, а в удержании власти недозволенными методами. Их удар был силен. Апоки ничего не мог возразить на их аргументы и отказался от власти. Правда, при этом применил нестандартный прием, говорящий о его выходе за пределы ментальности знати. Это будет характерно для всех его родственников и сподвижников, он подал пример, который станет толчком для выделения рода наверх. Он признал свое нарушение законов, но как бы покался и сам предложил свое «изгнание» в виде выделения за пределы стандартной экономики, на отшибе возле соляного озера. Этот район не был центром экономики. Он сыграл на родовой ментальности и попросил «плату» за пользование солью из озера, то есть продемонстрировал приверженность родовой морали и этике, одновременно не отрицал ее, но в духе ее же потребовал учесть его заслуги. При нем произошло укрепление киданьского союза и, вероятно, за это его всё же терпели девять лет, хотя и считали «узурпатором». Так родился первый имидж Апоки – «узурпатор» (с точки зрения родов). Китайцы добавят свое понимание и обоснуют с точки зрения всей восточноазиатской ментальности. Одно это поставило перед ним задачу обосновать свое поведение уже не традициями. При них он был бы лишь одним из вождей. Если консервативная родовая знать хотела это положение сохранить, то простые люди и члены его рода готовы были его поддержать, если он либо использует какой-то закон, либо изобретет новый.

Он пошел сразу двумя путями. Прежде всего, он перебил аристократическую старшину, которая была для него особенно опасна. Тем самым дал возможность представителям средних слоев вырваться наверх. Они же готовы были его поддержать за должности и возможности обогащения. Одновременно он стал надстраивать над родами новую конструкцию, которая не отрицала знать и аристократию. Это было в некотором смысле смутное соединение ряда идей – *шаньюй, гурхан, хан, ван, каган*. Из всех них он забрал себе и роду политическую власть, которая еще не имела ценности в Степи и казалась прихотью. Таким образом, он показал, что не покушался на власть знати и аристократии. Однако все понимали, что это дает возможность решать многие внутренние и внешние

проблемы. В итоге он получал своего рода мандат на деятельность вне Степи. Он мог выступать в роли третейского судьи, получал независимость от соседей и возможность дальнейшего усиления.

Это рассматривалось как ситуация форсмажора. Однако в целом он не вышел за пределы киданьских земель, не втянул формирующуюся страну в войны за пределами зоны, особенно с Китаем. Китай в то время был менее опасен, чем Бохай, потому что Бохай он все же уничтожил. Он отформатировал внешние, а не внутренние границы, то есть сначала создал модель конфедерации, да и в дальнейшем не лез в дела родов и даже племен без надобности. Произошло своего рода разграничение сфер влияния. Себе он оставил политическую власть, которую кочевники не ценили и считали безделкой. Он как бы перенес ситуацию с солью на все государство. Этот гениальный ход позволил ему выступать от имени всего общества и с опорой на традиции. Если враги восставали, они таким образом нарушали соглашение и власть духов, от имени которых он стал правителем. Здесь ясно виден юридический склад его ума. Закон (традиции) – главное в Степи, и он не отошел от этого.

В киданьской политической теории и практике был создан образ идеального государя: физически сильный и развитый, поставленный Небом, совершенно-мудрый, заботящийся о населении, поддержании мира и порядка, справедливый, компетентный в государственных делах, умеренный в личной жизни. У киданьского правителя две природы – он поставлен Небом и в то же время лучший из людей. Во вводной части указов императоров всегда осуществлялось их словословие и подчеркивалась их мудрость, заботливость и то, что они вынуждены издать эти указы, то есть подчеркивался не произвол (*ante rem*), а реакция на какое-то явление (*post rem*).

Любой правитель должен иметь признаки выбора Неба, иначе под сомнение ставилась легитимность самого рода. Ему обязательно должны помогать члены его рода. Апоки сразу же поддержал его род, что свидетельствует о том, что они уже переходили к смене занятий. Это станет смыслом их жизни. У аристократии во взаимоотношениях с элитой всегда были аргументы о том, что она древнее империи, происходит из древности и опирается на ментальную парадигму. Но и у элиты была мощная контридея, связанная с божественной сущностью императора. Конечно, многое из этого существовало и в ментальной культуре, но гораздо четче прописывается и используется более широко в период существования государства. Фигура правителя и его харизма невольно держит в тени остальной правящий класс. Группа людей, объединенная вокруг харизматичного Апоки, явилась основой для бюрократической структуры и стала строить свою деятельность в соответствии с его взглядами.

Основатель киданьского государства Елюй Апоки благодаря нестандартной ситуации в Степи и личным качествам, таким образом, стал образцом и символом для последующих правителей и для других кочевников в Степи.

Источники

Ист.К. – *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммен. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 608 с.

Литература

1. История Железной империи. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – 356 с.
2. *Пиков Г.Г.* Киданьская элита в историческом контексте (907–1218). – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 506 с.
3. *Wittfogel K.-A., Feng Chia-Sheng.* History of Chinese Society: Liao (907–1125). – Philadelphia, 1949. – 752 p. (Transactions of the American Philosophical Society, New Series. V. 36).
4. *Дробышев Ю.И.* Западный поход Абаоцзи 924 г. и стела Орду-Балыка // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: Материалы междунар. конф. – Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2009. – С. 83–85.
5. *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан: личность и эпоха. – М.: Вост. лит.: Шк.-пресс, 1995. – 271 с.
6. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. – М.: Всесоюз. Ин-т науч. и техн. инф. АН СССР, Ин-т этногр. АН СССР, 1964. – 36 с.
7. *Ивлиев А.Л.* Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 449–475.
8. *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002. – 557 с.

Поступила в редакцию
21.05.2019

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного Института

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, д. 1, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 1, pp. 165–176

---

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.165-176

Yehlü Apoki – A Socio-Psychological Portrait of the First Nomadic Emperor

G.G. Pikov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, 630090 Russia
E-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

Received May 21, 2019

Abstract

Yehlü Apoki, a Khitan leader coming from the ruling family, was the founder of a powerful medieval East Asian nomadic Liao dynasty (907–1125). Khitan state was the first full-fledged nomadic Empire and Yehlü Apoki became the first nomadic Emperor. The need for such a leader was dictated by the processes that took place in the Khitan society: the crisis of social relations, the complication of tribal relations, the need for economic synthesis, drawing into macroeconomic relations, the intensification of the process of ethnic synthesis and the emergence of prerequisites for the folding of the nation, the allocation of a special civilizational zone (the future “Mongolia”). The social situation affected the identity of Yehlü Apoki – his ambition, lust for power, energy, agreeableness, pragmatism, and cynicism.

The time of Yehlü Apoki – an outstanding figure for the Khitan people, a man who changed their history and initiated the transition from the nomadic to a typically more complex and integrated economy. Yehlü Apoki “restored the order”, “opened”, “pointed to the right way”, “started”, and “gave the truth”, i.e., he not just derived from the deadlock and showed a long and good future. The Empire was an extraordinary project at first, but then it took on a life of its own. Thus, Yehlü Apoki became the model and symbol for subsequent rulers and other nomads in the Desert.

Keywords: Khitan people, Liao Empire, Yehlü Apoki, Nomads, Emperor

References

1. *Istoriya Zheleznoi imperii* [Iron Empire History]. Novosibirsk, IAET Sib. Otd. Ross. Akad. Nauk, 2007. 356 p. (In Russian)
2. Pikov G.G. *Kidan'skaya elita v istoricheskom kontekste (907–1218)* [Khitan Nobles in the Historical Context (907–1218)]. Novosibirsk, Manuskript, 2016. 506 p. (In Russian)
3. Wittfogel K.-A., Feng Chia-Sheng. *History of Chinese Society: Liao (907–1125)*. Philadelphia, 1949. 752 p. Transactions of the American Philosophical Society, New Series. Vol. 36.
4. Drobyshev Yu.I. The western campaign of Abaoji in 924 and the stele of Ordu-Baliq. In: *Problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovaniy: Materialy mezhdunar. konf.* [Problems of Mongolian and Altaic Studies: Proc. Int. Conf.]. Elista, Izd. Kalm. Gos. Univ., 2009, pp. 83–85. (In Russian)
5. Kychanov E.I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir: Chingis-khan: lichnost' i epokha* [Life of Temujin, Who Thought to Conquer the World: Genghis Khan: Personality and Age]. Moscow, Vost. Lit., Shk.-Press, 1995. 271 p. (In Russian)
6. *Predvaritel'noe soobshchenie o deshifrovke kidan'skogo pis'ma* [Preliminary Communication on Decoding of the Khitan Scripts]. Moscow, Vsesoyuz. Inst. Nauchn. Tekh. Inf. Akad. Nauk SSSR, Inst. Etnogr. Akad. Nauk SSSR, 1964. 36 p. (In Russian)
7. Ivliev A.L. Sketches on the Balhae history. In: *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy* [Russian Far East in the Ancient and Medieval Time: Discoveries, Problems, Hypotheses]. Vladivostok, Dal'nauka, 2005, pp. 449–475. (In Russian)
8. Vladimirtsov B.Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the History and Ethnography of the Mongolian People]. Moscow, Vost. Lit., 2002. 557 p. (In Russian)

Для цитирования: Пиков Г.Г. Елюй Апоки – первый кочевой император: социально-психологический портрет // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 165–176. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.165-176.

For citation: Pikov G.G. Yehlü Apoki – a socio-psychological portrait of the first nomadic emperor. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 165–176. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.165-176. (In Russian)